

ПОЭЗИЯ "ВОЛИ К СИЛЕ И ВОЛИ К ЖИЗНИ"

"Курьер", 1902 г., No 21

Нередко, - особенно за последнее время, - приходится слышать циркулирующее среди публики мнение о том, будто Надсон - типичный "нытик". Критики, в свою очередь, обращают преимущественно внимание на мотивы "разочарования", на пессимистические настроения его поэзии. Надсон характеризуется обыкновенно, как поэт "женственного лиризма", как поэт, лишенный способности извлекать из своей лиры "мужественно-страстные и энергические звуки", как поэт, исполненный "тихой грусти". Стихотворения Надсона сравниваются с "неутешными слезами преждевременно увядающей красоты".

Но подобные суждения о Надсоне крайне несправедливы: они совершенно игнорируют положительные стороны его лирики.

Правда, Надсон - яркий пример "слабого", "раздвоенного", изнывающего под бременем "страданий" и скорбей интеллигента. Правда, Надсон слишком много говорил о своих страданиях и скорбях. Но он не ограничивался простым описанием их и жалобами на свою "бесталанную долю". Он постоянно старался стать "выше судьбы". Его лирике вовсе не так чужды "мужественно-страстные и энергические звуки", как это кажется с первого взгляда. Больной - он постоянно проявлял стремления к настоящей, полной жизни, "уставший" и "слабый" - он постоянно грезил о силе.

В его лирике можно найти предпосылки того мировоззрения, которое нашло свое яркое выражение в философии "воли к силе и воли к жизни"... Перед его умственным взором мелькает силуэт того обстоятельно-величественного образа, который лег в основу учения о "сверхчеловеке"...

Одним словом, Надсон, по положительным сторонам своей поэзии, весьма близко стоит к проповеднику "сверхчеловеческих" начал, апостолу "исполинов будущего" - Фридриху Ницше.

I

В предисловии ко второму тому своего философского трактата "Человеческое, слишком человеческое" Ницше делает следующее ценное признание: указывая на "здоровые", даже "веселые" настроения, которыми проникнут ряд его произведений, написанных непосредственно после его отречения от "романтического пессимизма" - от культа шопенгауэровской философии, - он заявляет: "однако, от более проницательного и сочувствующего взора не ускользнет то, что придает особенную прелесть этим сочинениям, - он замечает именно, что в них говорит человек, страдающий и обездоленный, и говорит так, как будто он не страдает и не обездолен.*

** Цитируем по русскому переводу: "Сочин." Ницше, т. V, стр. 9 (изд. Клюкина).*

Еще определеннее выражается он в одном из своих писем.

Болезненное состояние является энергическим стимулом к жизни. Таким стимулом кажется мне период моей долгой болезни: я открыл тогда жизнь, как нечто совершенно новое; я наслаждался вещами, которыми неспособны наслаждаться другие; из моего стремления к жизни, к здоровью я создал свою философию... Именно в годы наибольшего понижения моей жизненности я перестал быть пессимистом; инстинкт самосохранения запретил мне создать философию убожества и малодушия.

В приведенных цитатах - ключ к пониманию Ницшевской философии он вскрывает ту истинную, психологическую и патологическую подпочву, на которой эта философия выросла, они дают возможность осветить должным образом таинственную фигуру носителя "сверхчеловеческой" силы, закованного в латы "холодной жесткости", проповедника "морали господ", великого хищника, "самодовлеющего" философа - отшельника Заратустры.

Образ Заратустры, перед которым любят преклоняться, как перед чем-то недостижимо величественным, оказывается лишь *prim desiderium* страдающего и обездоленного, пораженного тяжелым недугом интеллигента. Создавая его и стараясь, таким образом, излечиться от своего недуга и своего пессимизма, Ницше вовсе не переходил в лагерь безусловных оптимистов.